

К. Б. Корниенко

Северный гос. медицинский ун-т Мин-ва здравоохранения РФ, г. Архангельск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6714-3466

 E-mail: selvi-ch@mail.ru.

Лексические маркеры эпохи в личных делах 30—40-х гг. XX в.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу исторически и идеологически маркированной лексики, извлеченной из документов личных дел студентов Архангельского государственного медицинского вуза периода 30—40-х гг. XX в. Предметом функционального анализа является функционирование лексических маркеров эпохи в официально-деловом дискурсе. Цель работы — классифицировать лексику по семантическому и тематическому критериям. Наиболее релевантными методами признается дискурсивный и семантико-стилистический анализ. В круг анализа включено 150 личных дел студентов из архива 30—40-х гг. XX в.

Личное дело рассматривается как гипержанр, включающий ядерные (обязательные) и периферийные (вариативные) жанры. В результате исследования лексические маркеры эпохи, извлеченные сплошной выборкой, разделены на три семантические группы: историзмы, политемы и идеологемы. В каждой из групп выделены наиболее типичные подгруппы. Идеологемы делятся на идеологемы-статусы, идеологемы-дескрипторы, идеологемы-онимы. К историзмам автор относит не только устаревшие нарицательные и собственные номинации, но и так называемые стилистические историзмы (утраченные графические обозначения, вышедшие из узуса метафоры и др.). Семантический анализ подтверждает отсутствие жестких границ между группами ключевых слов эпохи. В качестве иллюстрации в статье сделан семантико-стилистический и дискурсивный анализ трех ключевых идеологем: «Сталин», «комсомол», «товарищ». Сделаны наблюдения за двойственным функционированием антропонима «Сталин» в зависимости от рамок коммуникативной ситуации (прямая или косвенная коммуникация). Сделаны выводы о специфике функционирования идеологем и политем, которая заключается в использовании данных языковых средств как инструментов манипуляции, «жанрового переформатирования» в рамках официально-делового дискурса и как сигналов знания дискурсивного узуса. Специфика лексических маркеров эпохи свидетельствует о том, что рассматриваемый материал важен для реконструкции исторической реальности эпохи новояза. Результаты работы можно использовать для сопоставительных исследований в рамках исторической стилистики, политической лингвистики и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гипержанр; лексические маркеры; идеологемы; советская идеология; политический дискурс; советская эпоха; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Корниенко Кристина Борисовна, заведующий Службой воспитательной и психолого-социальной работы, Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации; 163000, Россия, г. Архангельск, пр-т Троицкий, 51; e-mail: selvi-ch@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корниенко, К. Б. Лексические маркеры эпохи в личных делах 30—40-х гг. XX в. / К. Б. Корниенко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 66-76. — DOI 10.26170/pl20-02-07.

Актуальность изучения эпохи, социальной ситуации и динамики через язык, лингвистическое портретирование времени и личностей (см., напр., работы А. В. Голубева, Ю. Д. Дешериева, Р. И. Зекрист, Е. А. Нахимовой и др.) влечет за собой акцентировку внимания филологов на экстралингвистических фактах социальной природы. Исторические границы — 30—40-е гг. XX в. — связаны с идеологической, политической, социальной спецификой жизни Советского государства. Это значимый с точки зрения развития государственности, экономики, культуры период истории России, оказавший непосредственное влияние на ее становление как сильной индустриальной державы, играющей одну из ведущих ролей на международной внешнеполитической и экономической арене, и предопределивший этот процесс. А. В. Голубев и В. А. Невежин считают, что в период 20—40-х гг. в своих позициях успеш-

но укрепляется советский режим и принимаются «ценности модернизации в ее „социалистическом“ варианте большинством советского общества» [Голубев 2016: 19].

Интересные языковые факты, извлеченные из исследуемых нами личных дел, презентуют как портрет эпохи, так и портрет советского человека. Исторический контекст эпохи 30—40-х годов, характеризующихся количественными и качественными изменениями во всех сферах жизни советского общества, является важным в изучении истории языка, что обуславливает необходимость введения в научный оборот новых документальных материалов — в нашем случае это личные дела студентов Архангельского медицинского университета.

Социальная ситуация любой эпохи изучается через язык, в том числе путем описания языковых личностей как создателей и свидетелей социального контекста. Для

анализа и моделирования речевой деятельности той или иной личности берутся, как правило, эго-документы. Наиболее очевидной «связкой» языка и жизни общества является лексика. В результате сосредоточения внимания филологов на экстралингвистических фактах социальной природы выделялись такие единицы лингвистического анализа, как *слова эпохи*, *политемы* и *идеологемы*.

Работы, посвященные ключевым словам, можно разделить на две основные группы: (а) исследуются хронологически не маркированные единицы (концепты, культуремы и пр.), (б) исследуются хронологически привязанные единицы («слова года», ключевые неологизмы и пр.). Во втором случае можно говорить о так называемых «словах эпохи».

В фокусе нашего исследования — функционирование лексических маркеров эпохи в официальном дискурсе 30—40-х гг. XX в. В изучаемый период лексические маркеры были направлены прежде всего на подкрепление дихотомии *свой* — *чужой* путем особых средств ведения культурно-просветительской и идеологической работы, например, ценностными установками, научными теориями, общественными идеалами, обязательно их содержащими.

Лексические маркеры эпохи объединяют ключевые слова «исторической эпохи» (какого-либо периода социальной жизни, имеющего формальные хронологические, идеологические, политические границы), политемы и идеологемы.

В научных дискуссиях встречаются различные определения идеологемы; в целом они могут быть соотнесены с двумя направлениями — функционально-коммуникативным и лингвокогнитивным.

В рамках первого направления узкий (лексикологический) подход рассматривает идеологему как «некоторое закрепленное в языковой форме идеологическое содержание» [Купина 1997: 134], как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2015: 183]. Идеологема считается лексико-фразеологической единицей, «в значение которой входит идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92]. Идеологема «является вербальным репрезентатором общественно-политических идей. Она непосредственно связана с замыслом адресанта, который, как правило, выступает проводником определенной идеологии, и служит для оказания воздействия на адресата» [Кузина 2018: 111].

Ряд исследователей анализируют идеологему как ментальную единицу, «в состав

которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием» [Нахимова 2011: 153]. Такой аспект анализа выводит нас на когнитивный уровень. В рамках данного лингвокогнитивного направления идеологема рассматривается прежде всего как ментальный концепт, закрепленный в сознании реципиента и влияющий на формирование его образа мира. Идеологема является многоуровневым концептом, «в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

Широкий (семиотический) подход рассматривает идеологему как феномен, концепт, связанный с определенной идеологией и объективируемый единицами разного языкового уровня (от букв, алфавита до высказываний, словосочетаний, законченного высказывания). Идеологема может иметь вербальную природу, см.: «...минимальный отрезок <...> текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм или фундаментальных идейных установок» [Гусейнов 2003: 26]. Также идеологему определяют как «основную авторскую идею, имеющую политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст», объективируемую вербальными средствами; как ментально-стилистический феномен, «вербальное воплощение идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат» [Клушина 2008: 38]. Толкование идеологемы может выходить за границы вербального: «...минимальные значащие единицы, знак или устойчивая совокупность знаков», также «несловесные формы представления идеологии: традиционные символы, изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы, а также символы музыкальные» [Гусейнов 2003: 6].

К группе идеологической лексики примыкает лексическая группа политем (в ряде случаев группы пересекаются). Изучению политем посвящен ряд научных исследований, определяющих политему как единицу политического языка, содержащую в своей семантической структуре политический компонент значения [Воробьева 2000; Резникова 2005].

Текстовым материалом исследования послужили личные дела (далее — ЛД) студентов Архангельского государственного медицинского института 30—40-х гг. XX в. ЛД представляет интерес как источник для исторических и лингвистических исследований, так как фиксирует информацию о человеке и основных событиях его личной (профессиональной, социальной) жизни, не искажая факты в зеркале художественной или публицистической интерпретации. В лингвистическом аспекте ЛД представляет собой гипержанр, объединяющий ряд устойчивых и вариативных субжанров.

Задачи нашего исследования: 1) извлечь из текстов документов ЛД лексические маркеры эпохи, 2) классифицировать выделенные лексические единицы по семантическому критерию, 3) проанализировать функционирование этих слов и устойчивых сочетаний в контексте официального дискурса ЛД.

Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени ЛД как способ языкового портретирования эпохи не являлось предметом филологического анализа.

В ходе исследования применялся дефиниционно-компонентный анализ, используемый для выделения и классификации идеологем, политем, историзмов, а также дискурсивный и семантико-стилистический анализ, который позволил установить семантику лексических маркеров, особенности их функционирования в деловом дискурсе. Поскольку для анализа требуется привлечение экстралингвистических данных, демонстрирующих историко-культурные особенности эпохи, наиболее релевантным для анализа является лингвокультурологический подход.

Анализ ЛД требует использования терминологического аппарата (метаязыка) документоведения и архивного дела. ЛД относится к источникам личного происхождения и определяется как совокупность документов, содержащих необходимые сведения о человеке, его трудовом стаже [Кузнецова 1999: 134]. Под ЛД мы понимаем гипержанр, объединяющий ряд документов, предметом констатации и/или описания в которых является одно лицо; текст личного дела содержит полный цикл информации об активном социальном периоде жизни человека, официальном взаимодействии с организацией (в широком понимании термина) — от поступления на работу или учебу до отчисления, увольнения, ухода.

В круг исследования было включено 150 ЛД. Нами составлена жанровая модель ЛД, включающая ядерные субжанры («Анкета для вновь поступающих», «Опросный лист», «Справка о происхождении», «Опись ли-

стов», «Автобиография», «Заявление о поступлении», «Личная карточка», «Характеристика» и др.) и вариативные субжанры («Заявление», «Объяснительная», «Письмо», «Справка», «Рапорт», «Сообщение», «Служебная записка», «Приказ» и др.).

Для анализа лексического материала в экстралингвистическом фокусе были обозначены основные характеристики 30—40-х гг. XX в. Революционные события 1917 г. сформировали модель нового общества и новую общественную систему ценностей. Централизованное управление государством, сращивание государственной и партийной власти требовали серьезной и постоянной поддержки населения. Ценность индивидуального значительно снизилась, уступив коллективному, а «бытовое поведение стало трактоваться как производственное и политическое» [Костина 2009: 37], что предопределило необходимость самоидентификации в обществе. Переориентация ценностных ориентиров на коллективное определила необходимость самоидентификации в обществе, а также укрепления дихотомии *свой* — *чужой*.

Дихотомия *свой* — *чужой* в изучаемый период выстраивалась на основе социальной идентичности и оказывала влияние на все сферы жизни общества, характеризовалась процессами «исключения чуждых культурных элементов», «телеологической ориентированностью», «направленностью культуры и идеологии как ее составляющей на легитимацию власти» и др. [Ионин 1996: 181].

Мифологическое сознание общества диктовало строгое разграничение *своих* и *чужих* на основе таких перцептивных признаков, как социальное происхождение, социальное положение. Таким образом, основным субъектом социального пространства являлось крестьянство и пролетариат либо граждане, относящиеся по происхождению к данным классам. В связи с нашим исследованием отметим, что именно поэтому в личные дела стандартно включалась справка о социальном происхождении субъекта.

В большинстве документов, входящих в ЛД, зафиксированы лексемы, подкрепляющие данную дихотомию. Их можно интерпретировать как лексические маркеры эпохи. Отметим, что системный характер анализируемой лексики деловой переписки подтверждается выделением в ее составе тематических групп, которые отражают социальные характеристики эпохи. Так, тематическая классификация лексики деловых писем оформляется в следующих группах:

1) тематическая группа «человек»: *бедняк, колхозник, крестьянин, середняк, рабочий,*

служащий, батраки, счетовод, бондарь, гражданин (гр.) и др.;

2) тематическая группа «организация»: Наркомздрав РСФСР, воен. сан. управления, управделами, ВКП/б, ВЛКСМ, колхоз им. Буденного;

3) тематическая группа «идеологические действия»: комсомольский привет, классовая бдительность, избирательные права;

4) тематическая группа «студенчество»: экзаменационные карточки; студенческий бюджет, студком; приемочная комиссия, приемные испытания, устные испытания, секретарь по студенческим делам, предгруппком, студенческое удостоверение, рабфак, отметки и др.

С другой позиции мы выделили три основные группы, в каждой из которых обозначили семантические подгруппы.

1. Политемы

Политемы — это «слова, в семантической структуре которых содержится политический компонент значения» [Воробьева 2000: 5].

В корпусе проанализированных ЛД встречаются следующие основные подгруппы политем:

1) политемы, обозначающие субъекты взаимоотношений власти и общества: *трудящиеся, народ, гражданин*;

2) политемы, обозначающие названия учреждений и организаций, структурное содержание органов власти, номенклатурные наименования: *ячейка ВКП/б, партийная ячейка, хуторского с/совета, Мед. Сан. Труд., Наркомздрав, Управделами, Правление, член ВЛКСМ, курсы секретарей с/совета, парт.прикрепленный, воен. сан. управление, Рабфак, Обком РОКК, Нач. Подг. сан. обор., Пролиткульт.*

Некоторые политемы приобретают положительные или отрицательные коннотации, переводящие их в разряд идеологем. Например, политема *партия* (ячейка ВКП/б, секретарь ПАРТ'ячейки ВКП/б и др.) употребляется в деловом дискурсе ЛД с актуализацией семы положительной оценки: *воспитанного партией при правильном руководстве* и т. п. [ГААО. Ф. 98. Оп.10-45. Д. 1. Л. 6—7; ГААО. Ф. 98. Оп.10-45. Д. 3. Л. 20].

2. Идеологемы

Идеологический дискурс изучаемых ЛД в целом может восприниматься как аспект функционирования идеологии, однако идеологема присуща и полиидеологическому дискурсу. В корпусе изучаемых ЛД можно выделить следующие группы идеологем:

1) идеологемы-онимы: *Сталин, Ленин, Раппопорт, колхоз им. Буденного*;

2) идеологемы-статусы, определяющие социальное происхождение или положение: *рабочий, соцпроисхождение, соцположение, рабочий-большевик, крестьянин-бедняк, крестьянин-середняк, кулак, батрак, б/партийный, дочь рабочего, колхозник, крестьянин, служащий, дочь рабочего, белогвардеец*;

3) идеологемы-дескрипторы, описывающие действия субъекта в рамках дихотомии свой — чужой: *избирательных прав не лишалась, общественная работа по линии профсоюза, работал на общественных советских должностях, анти религиозный, классовая бдительность, военная и оборонная работа.*

Подчеркнем, что все типовые документы ЛД содержали информацию о социальном статусе, происхождении, классовой принадлежности. Мы фиксируем частотное употребление слов и словосочетаний с положительной окраской (*крестьянин, крестьянин середняк, бедняк, батрак, крестьянская семья*) и пейоративной окраской (*кулак, белогвардеец*). Идеологемы используются в вариативных и ядерных жанрах. В другие исторические периоды языковые единицы утрачивают свою аксиологичность и актуальность и, по мнению ряда исследователей, переходят в разряд историзмов или политем [Журавлев 2004: 11].

3. Историзмы

Историзмы описываемой эпохи являются советизмами, т. е. словами, называющими реалии, «обусловленные советской действительностью» [Ермакова 2011: 6].

В различных жанрах ЛД (Запрос, Ответ на запрос, Личная карточка поступающего, Автобиография, Опросный лист, Заявление, Разрешение, Сочинение и др.) функционирует большое количество советизмов: *колхоз, колхозник, ячейка, партийная ячейка, большевик, рабфак, десятилетка, пионерский отряд, семилетка, пятилетка* и др.

В ЛД выделены следующие подгруппы историзмов:

1) название документов: *анкета для вновь поступающего, выписка из метрической книги, облигации Госзайма 3-й пятилетки, студенческое удостоверение, разрешение*;

2) название действий: *приемочные испытания, приемные испытания, излечение (находиться на излечении), препровождать документы*;

3) название лиц (групп лиц): *приемочная комиссия, счетовод*;

4) названия неодушевленных предметов и явлений: *арифметика, школа десятилетка, очки (итого получено очков)*;

5) топонимы: *Северный Край*.

В отдельную группу историзмов мы относим утраченные формы графических сокращений, напр.: *25/1 — 40 г.; студенч., раб., 125 рб.* Устаревшие клише, метафоры и грамматические формы можно определить как стилистические историзмы, напр.: *к сему, выковал себе заместителя, считать в отпуску.* Например, большинство документов 30-х гг., представляющих собой ходатайство/просьбу, заканчивалось клише *в просьбе прошу не отказать.*

Перечисленные группы отражают специфику исторического периода, создают его политико-идеологический вербальный портрет. Для корректной интерпретации семантики извлеченных единиц необходимо проанализировать их функционирование.

Таким образом, мы видим, что формально разграниченные группы не имеют жестких границ. Советизмы, включающие политическую сему, становятся политемами. Политемы, получая идеологический заряд в процессе функционирования, переходят в группу идеологем. Так, слово *колхозник* можно рассматривать как историзм, политему или идеологему в зависимости от аспекта анализа; выражение *в порядке классовой бдительности* можно рассматривать в группе стилистических историзмов или в аспекте идеологического концепта «свой — чужой» и т. д.

В структурном аспекте лексические маркеры эпохи можно разделить на однословные номинации (*кулак, белогвардеец*), многословные номинации (*воспитание нового поколения, общественные советские должности*), дискурсивные клише (*в порядке классовой бдительности*), сокращенные номинации и клише (*тов., с ком. приветом*).

Регулярное использование анализируемых единиц в текстах документов ЛД свидетельствует о том, что в процессе речевого функционирования они приобрели в эпоху новояза устойчивый, нормативный характер. Эти лексические маркеры имели ценностную обусловленность в эпоху 30–40-х гг., т. е. были идеологически нагружены.

Перечисленные группы отражают специфику исторического периода, создают его политико-идеологический вербальный портрет. Для корректной интерпретации семантики извлеченных единиц необходимо проанализировать их функционирование.

В рамках данной статьи проанализируем функционирование в текстах ЛД трех ключевых идеологем, зафиксированных в нашей выборке.

1. Идеологема «СТАЛИН»

Антропоним *Сталин* входит в группу идеологем. В лингвистических работах эта идеологема рассматривается с разных по-

зиций. Например, идеологема *Сталин* понимается как понятие в массовом сознании, созданное стереотипными высказываниями [Клушина 2008: 40]. Личностное портретирование и концепты данной идеологемы также изучены [Слышкин 2004; Васильев 2014 и др.]. Идеологема *Сталин* также рассматривается как идеологема-архетип [Малышева 2009]. Исследователи отмечают ее способность к изменению аксиологического модуса [Гаврилова 2005; Шейгал 2004].

Сравним функционирование идеологемы в двух документах из ЛД.

1. *Заявление матери студентки М. Цейтлин* от 9.04.1937 г. директору Архангельского государственного медицинского института [ГААО. Ф. 98. Оп.18-312. Д. 36. Л. 19–20].

Референтная ситуация текста: студентка Мира Цейтлин просила академический отпуск на основании заключения врача, получила отказ; Е. Цейтлин, мать студентки, в заявлении дублирует просьбу дочери об академическом отпуске. В качестве одного из аргументов автор документа обращается к идеологеме *Сталин*. Контекст идеологемы (здесь и далее орфография и пунктуация текстов ЛД сохранены):

В наше время, когда Партия и Правительство так бережно и чутко относятся к воспитанию нового поколения, когда тов. СТАЛИН говорит, что „мы должны выращивать каждого человека бережно и заботливо, как садовник выращивает облюбованное деревцо“, — можете ли Вы не обратить внимание на тяжелое положение моей дочери, вина которой лишь в том, что ей всего 18 лет и что родилась в тяжелый год интервенции на Севере и не имела достаточного питания, т.к. жила в тяжелых условиях.

В данном контексте идеологема используется пишущим как средство воздействия на адресата и манипуляции. Антропоним включен в устойчивое сочетание (синтаксическую номинацию лица), объединяющее две идеологемы того времени: *товарищ Сталин*. Имя политического субъекта включается в текст заявления как непререкаемый авторитет. Экспрессия автора подчеркивается графически: см. написание имени прописными буквами. Синтаксический параллелизм (*когда Партия и Правительство...; когда тов. СТАЛИН*) подчеркивает идеологическую близость понятий *партия, правительство, Сталин*. Лексические и семантические повторы наречий, характеризующих действия партии/правительства и включенных в цитируемую прямую речь (ср.: *бережно и чутко; бережно и заботливо*), также сближают политических субъектов, к кото-

рым апеллирует автор заявления. Речевая манипуляция строится на противопоставлении образного содержания и модальности долженствования высказывания Сталина (*мы должны выращивать каждого человека бережно и заботливо, как садовник выращивает облюбванное деревцо*) и предполагаемых действий адресата письма (*не обратит внимание на тяжелое положение моей дочери*). Предположение помещается в форму риторического вопроса-отрицания: фраза *можете ли Вы* имеет значение *Вы не можете*. Таким образом, жанр просьбы преобразуется в жанр скрытой угрозы и указания («Вы должны, в противном случае...»). Идеологема *Сталин* служит инструментом такого «жанрового переформирования».

2. *Письмо Е. И. Сахаровой Сталину*, датированное 01.10.1937 г. [ГАО. Ф. 98. Оп.16-258. Д. 246. Л. 20—26].

Референтная ситуация текста: студентка Е. И. Сахарова в связи с рождением ребенка не смогла сдать сессию, не была допущена к осенней переэкзаменовке, оставлена повторно на 2-м курсе с сохранением стипендии; студентка написала письмо И. В. Сталину с просьбой дать возможность сдать экзамены и перевестись на 3-й курс. Идеологема *Сталин* в документе представлена косвенно — через имя и отчество адресата.

Контекст идеологемы: *Дорогой Иосиф Виссарионович! Я к Вам с просьбой <...> Но, Иосиф Виссарионович. Когда обсуждали проект постановления правительства о запрете абортов, то в прессе очень много говорилось о помощи матери-комсомолке <...> С комсомольским приветом.*

В данном случае мы видим два основных механизма функционирования идеологемы. С одной стороны, идеологема есть некий фрагмент картины мира, концепт, связанный с идеологией. Признаком идеологемы *Сталин* является характеристика *отец*. Следовательно, человек в 30—40-х гг. в сложной жизненной ситуации обращался к Сталину как к отцу, который может решить текущие вопросы, защитить от «обидчиков». Речевые тактики в письме подтверждают актуализацию данной семантической области идеологемы. Стилистически маркированные языковые средства подтверждают представление адресанта о возможности реализации коммуникативной ситуации в рамках фрейма «семья». Семья как фрейм может соотноситься, с одной стороны, со схемой, с «пучком» слотов-ассоциаций, а с другой — со стереотипной ситуацией (см. подробнее: [Марьянчик 2011: 55—57]). Отнесем к ним обращение по имени и отчеству и этикетный эпитет (*дорогой Иосиф Виссари-*

онович). Также пишущий активно использует разговорные и эмотивные конструкции на уровне грамматики и лексики: *я к Вам с просьбой; дело в том, что...; дирекция продлила сроки сдачи кому до 20, кому до 24го; я очень расстроилась; что мне оставалось делать; почему же мне было не сделать этой уступки; хвостисты; мне было не до занятий; да плюс к этому я кормлю ребенка грудью и др.*

С другой стороны, данное письмо хранится в ЛД студента. Мы можем предположить два пути поступления документа: с резолюцией контролирующих органов или в рамках предварительного рассмотрения. В том и другом случае руководство института является косвенным адресатом. Идеологема *Сталин* в коммуникации с косвенным адресатом актуализирует манипулятивный потенциал, заставляя принять нужное для адресанта решение.

Таким образом, в рамках прямой коммуникации актуализирован аксиологический компонент идеологемы, а в рамках косвенной — манипулятивный.

2. Идеологема «КОМСОМОЛЕЦ»

Номинации *комсомолец*, *комсомол* и т. п. входят в группу идеологем-статусов. Можно отметить научный интерес к отдельным терминам, включенным в состав семантического поля идеологемы *комсомол* [см.: Бессонова 2019]. Слово *комсомолец* обозначает реалию 30-х гг.: молодежное политическое движение достигло пика, ряды комсомола увеличились в два раза, заслуги были отмечены правительственными наградами (орден Красного Знамени, 1928 г.; орден Трудового Красного Знамени, 1931 г.).

Рассмотрим функционирование идеологемы в документах. Как правило, дериваты производящего слова *комсомол* встречаются в основном тексте документа, в том числе в этикетных формулах, которые формально относятся к реквизиту «текста».

Идеологема *комсомолец* в письме Е. И. Сахаровой функционирует в качестве номинаций-приложений, характеризующих предикатов и в составе этикетных клише: *мать-комсомолка, я комсомолка, с комс. приветом* [ГАО. Ф. 98. Оп.16-258. Д. 246. Л. 20—26]. В конце письма адресант приводит краткую автобиографию, в которую включена идеологема-дескрипция (*получила путевку от городского комитета комсомола*). Адресант пытается достичь желаемого результата путем включения себя в определенную идеологическую группу, позиционирования себя как «своего» (*комсомолка*), а также путем гендерного манипулирования (*я на год отстану лишь потому, что я*

женщина и на мою долю пало родить). Нежелательные действия имплицитно интерпретируются как противоречащие установкам руководства страны. В качестве аргументов используются указания на публикации в официальных СМИ (*в прессе очень много говорилось о помощи матери-комсомоле*), лозунги с использованием идеологически маркированного притяжательного местоимения (*в нашей стране женщинам можно и учиться и воспитывать поколение*).

В письме использовано этикетное клише с сокращением идеологемы с *комс. приветом*. Подобное сокращение содержится и в ряде других проанализированных ЛД. Например, письмо студента АГМИ А. А. Кирова от 15.08.1940 г. [ГАО. Ф. 98. Оп.19-6. Д. 56. Л. 15]. Сокращения слов подтверждают клишированность (узуальность) этикетного словоупотребления.

Также нами зафиксирован случай нетипичного использования идеологемы в реквизите «подпись» в заявлении студента АГМИ И. А. Аверкиева [ГАО. Ф. 98. Оп.12-1. Д. 6. Л. 6]. Подпись данного документа оформлена следующим образом: *Комсомолец. Аверкиев*. Согласно правилам оформления деловой переписки, в реквизите «подпись» указывается социальный (профессиональный) статус, а не идеологическая принадлежность. Нарушение этой традиции свидетельствует о том, что автор признает идеологический статус более важным (или не менее важным), чем формальную позицию в административной иерархии. Что свидетельствует о его попытке подчеркнуть принадлежность к *своим* в дихотомии *свой — чужой*.

3. Идеологема «ТОВАРИЩ»

Согласно идеологической трактовке, *товарищи* — «это те, с кем мы делим задачу всей жизни — укреплять ее невозможные отношения с непокорным миром. Все, что мы способны разделить, — одни и те же тяжкие усилия. Мы становимся товарищами только тогда, когда делаем это вместе» [Wark 2015: 124]. В некоторых научных работах данная идеологема рассматривается как дефиниция, обозначающая «нулевой уровень коммунизма, поскольку он обозначает отношение между теми, кто занимает одну сторону в борьбе за производство новых, свободных, справедливых и равных социальных отношений, отношений без эксплуатации» [Дин 2018: 126].

Данная идеологема закрепились в советском новоязе. Словарь Д. Н. Ушакова предлагает идеологически окрашенные толкования слову *товарищ*: «член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности — коммунистов); член

советского общественного коллектива» [Ушаков 1940].

В функции обращения слово является исторически ограниченным — использовалось в СССР как вежливая номинация или обращение. Данное слово вошло в зону активного применения, в том числе в деловом дискурсе, после революции 1917 г. и к 30-м гг. повсеместно использовалось. Слово *товарищ* активно используется и в ЛД 30–40-х гг. Его узуальность подтверждает графическое сокращение и позиция в различных реквизитах документа: в адресате, тексте, подписи. Сокращение *тов.* используется в составных номинациях в сочетании с нарицательным именем (*Тов. Директор!!!*), с фамилией (*тов. Панов, тов. Мальцев*), в том числе с фамилией и статусной номинацией лица (*военврач тов. Мальцев, Директору Арх.Мед.Института тов. Рапопорту*), с фамилией-идеологемой (*тов. Сталин*). Слово *товарищ* не характеризует описываемого субъекта, действия которого могут быть далеки от идеальных представлений о товариществе/братстве и образе достойного «члена коммунистического общества». Слово может использоваться при описании отрицательных событий или ситуаций, см.: *Студент 5-го курса тов. Панов: ... „с горя“ запил и явился в Обком РОКК в нетрезвом виде; не явился на выпускные испытания; срывает не только военную и оборонную работу, но и дискредитирует медиститут. Наконец 12/X — он не явился на выпускные испытания* [ГАО. Ф. 98. Оп. 15-197. Д. 229. Л. 21]. Таким образом, можно сделать вывод, что слово *товарищ* семантически не нагружено, оно является лишь сигналом знания пишущего о дискурсивных нормах своего времени.

В заключение изложим основные выводы исследования.

Официальный дискурс, личное дело как документ — это источник речевого материала, позволяющий создать языковой портрет эпохи, отражающий особенности воплощения языка эпохи новояза в речи социальной группы «студенчество». Личные дела студентов — один из источников, пополняющих данные эго-лингвистики, политической лингвистики, теории жанров и других современных направлений филологии. Ретроспективное языковое портретирование эпохи позволяет проследить динамику языковой системы и отдельных дискурсов.

Личные дела 30–40-х гг. XX в. отражают экстралингвистическую специфику эпохи. В документах функционируют лексические маркеры эпохи, объединенные нами в три группы: идеологемы, политемы, историзмы.

Между этими группами нет жестких границ. Для эпохи I половины XX в. были характерны отсутствие свободы личности и установление диктата партии большевиков, что обусловило формирование стандартного комплекса идеологием и политем. Наиболее типичные политемы, часть из которых функционирует в качестве идеологием: *Сталин, правительство, партия (ячейка, партячейка, хуторской п/совет, б/партийный и др.), комсомолец (член ВЛКСМ и др.), пионер (пионерский отряд), большевик, крестьянин (крестьянская семья и др.), общественные советские должности, товарищ, социалистическое хозяйство; пролеткульт, Мед-Сан-Труд, пятилетка, семи-летка, школа десятилетка, с/совет, колхозное товарищество.*

Специфика функционирования идеологием и политем заключается в использовании как средства манипуляции, как инструмента «жанрового переформатирования» в рамках официально-делового дискурса, как сигналов знания дискурсивного узуса.

Лексические единицы деловых писем, являющиеся признаками конкретной эпохи, определяются как маркеры эпохи, которые в семантической структуре содержат темпоральный компонент, определяющий временной отрезок. Маркеры эпохи представляют концептуальную картину мира и определяют концептуальные приоритеты эпохи в рамках анализируемой социальной группы. В нашем случае это концепты-идеологемы *Сталин, товарищ, комсомолец*. Лексические маркеры эпохи определяют временное пространство, тем самым отражают экстралингвистические и лингвистические предпочтения коммуникантов деловой переписки 30–40-х гг. XX в. Специфика лексических маркеров эпохи свидетельствует о том, что заданные временные рамки важны как материал для реконструкции исторической реальности исследуемой эпохи новояза. Такие слова создают социально-хронологический языковой «архив» эпохи новояза.

ИСТОЧНИКИ

1. Личное дело И. А. Аверкиева // Государственный архив Архангельской области (ГААО). — Ф. 98. — Оп. 12-1. — Д. 6. — Л. 6.
2. Личное дело А. А. Кирова // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 19-6. — Д. 56. — Л. 15.
3. Личное дело А. И. Панова // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 15-197. — Д. 229. — Л. 21.
4. Личное дело Е. И. Сахаровой // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 16-258. — Д. 246. — Л. 20–26.
5. Личное дело М. Г. Цейтлин // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 18-312. — Д. 36. — Л. 19–20.
6. Личные дела вышедших студентов из института в 1939 году. Том 1 // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 10-45. — Д. 1. — Л. 6–7.
7. Личные дела вышедших студентов из института в 1939 году. Том 1 // ГААО. — Ф. 98. — Оп. 10-45. — Д. 3. — Л. 20.

ЛИТЕРАТУРА

8. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с. — Текст : непосредственный.
9. Бахтин, М. М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Лабиринт, 2000. — 640 с. — Текст : непосредственный.
10. Бессонова, Ю. А. Термины комсомольского движения как идеологемы / Ю. А. Бессонова, Е. А. Иванова. — Текст : непосредственный // Феномен ВЛКСМ: социокультурный опыт и преемственность в воспитании молодежи (100-летию ВЛКСМ посвящается) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 23 окт. 2018 г.). — Орел : Орловский гос. ин-т культуры, 2019. — 144 с.
11. Васильев, А. Д. Прецедентные имена собственные в языковом сознании красноярцев / А. Д. Васильев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 30–33.
12. Воробьева, О. И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи: политическая лингвистика. Современный язык политики / О. И. Воробьева. — Москва : Издательство ИКАР, 2008. — 296 с. — Текст : непосредственный.
13. Гаврилова, М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2005.
14. Голубев, А. В. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии: 1920-е — первая половина 1940-х гг. / А. В. Голубев, В. А. Невежин ; Ин-т российской истории Российской акад. наук. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 236 с. — Текст : непосредственный.
15. Гусейнов, Г. Ч. Д. С. П. Материалы к Русскому словарю общественно-политического языка конца XX века / Г. Ч. Гусейнов. — Москва : Три квадрата, 2003. — 1024 с. — Текст : непосредственный.
16. Гусейнов, Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов / Г. Ч. Гусейнов. — Москва : Три квадрата, 2003. — Текст : непосредственный.
17. Дин, Д. Товарищ: нулевой уровень коммунизма / Д. Дин. — Текст : непосредственный // STASIS. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg). — 2018. — Т. 6. — № 2. — С. 118–137.
18. Ермакова, О. П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века / О. П. Ермакова. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 192 с. — Текст : непосредственный.
19. Журавлев, С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Журавлев С. А. — Йошкар-Ола, 2004. — 24 с. — Текст : непосредственный.
20. Иванова, М. Е. Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия / М. Е. Иванова. — Текст : непосредственный // Манускрипт. — Тамбов : Грамота, 2020. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 133–140.
21. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. — Москва : Логос, 1996. — 280 с. — Текст : непосредственный.
22. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Клушина Н. И. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.
23. Костина, А. В. Особенности культурного строительства в Советской России 20–30-х годов: к вопросу о субъектном аспекте истории / А. В. Костина. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 2. — С. 31–40.
24. Костина, А. В. Особенности культурного строительства в Советской России 20–30-х годов: к вопросу о субъектном аспекте истории / А. В. Костина. — Текст : непосредственный // Культурная политика. — 2009. — № 2. — С. 31–40.
25. Кузина, О. А. Идеологема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине

в 2013–2014 гг.) / О. А. Кузина. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 8 (86). — Ч. 1. — С. 110–115.

26. Кузнецова, Т. В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления) / Т. В. Кузнецова. — Москва, 1999. — 320 с. — Текст : непосредственный.

27. Купина, Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. — С. 134–145.

28. Купина, Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем / Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Русский язык сегодня : сборник статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Азбуковник, 2000. — Вып. 1. — С. 182–189.

29. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь, 1995. — 144 с. — Текст : непосредственный.

30. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 32–40.

31. Марьянич, В. А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы : моногр. / В. А. Марьянич. — Архангельск : Поморский университет, 2011. — 282 с. — Текст : непосредственный.

32. Моральный облик строителя коммунизма. — Москва : Наука, 1964. — 346 с. — Текст : непосредственный.

33. Нахимова, Е. А. Идеологема СТАЛИН в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 152–156.

34. Павлова, И. В. Власть и общество в СССР в 1930-е годы / И. В. Павлова. — Текст : непосредственный // Вопросы истории. — 2001. — № 10. — С. 46–56.

35. Резникова, Н. А. Семантический анализ политической лексики / Н. А. Резникова. — Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. — 2005. — Вып. 4 (48). — С. 49–54.

36. Слышкин, Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании / Г. Г. Слышкин. — Текст : непосредственный // Обозреватель-Observer : науч.-аналит. журн. — 2004. — № 8 (175). — С. 116–125.

37. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С — Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. — 1502 с. — Текст : непосредственный.

38. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 256 с. — Текст : непосредственный.

39. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва, 2004. — Текст : непосредственный.

40. Wark, M. Molecular Red: Theory for the Anthropocene / M. Wark. — New York : Verso, 2015. — Text : unmediated.

K. B. Kornienko

Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6714-3466

 E-mail: selvi-ch@mail.ru.

Lexical Markers of the Epoch in Personnel Files of the 1930s-1940s

ABSTRACT. *The article analyzes historically and ideologically marked vocabulary extracted from the personnel files of the students of Arkhangelsk State Medical Institute over the period of the 1930s – 1940s. The analysis focuses on the functioning of the lexical markers of the epoch in official business discourse. The aim of the study is to classify the vocabulary according to semantic and thematic criteria. Discursive and semantico-stylistic analyses are the most relevant methods used. The sample includes 150 personnel files of students from the archives of the 1930s-1940s.*

The article describes the personnel file as a hyper-genre, including core (mandatory) and peripheral (variable) genres. As a result of the study, using the method of continuous sampling, the author singles out three semantic groups of the lexical markers of the epoch: historicisms, politicisms and ideologemes, highlighting the most typical subgroups in each group. Ideologemes are divided into ideologemes-statuses, ideologemes-descriptors, ideologemes-onyms. Historicisms include not only obsolete common and proper nominations, but also so-called stylistic historicisms (archaic graphic designations, metaphors that have come out of use, etc.). Semantic analysis confirms the absence of rigid boundaries between the groups of keywords of a certain epoch. To illustrate these positions, the article provides a semantico-stylistic and discursive analysis of three key ideologemes: Stalin, Komsomol, and comrade. The article describes the dual functioning of the anthroponym Stalin depending on the framework of the ideologemes and the communicative situation (direct or indirect communication). The specificity of functioning of the ideologemes and politicisms consists in using these language units as tools of manipulation and “genre reformatting” in the framework of official business discourse and as signals of awareness of discursive usage. The specificity of the lexical markers of the epoch indicates that the research material is important for the reconstruction of the historical reality of the Newspeak era. The results of the work can be used for comparative studies within the framework of historical stylistics, political linguistics, etc.

KEYWORDS: *hypergenre; lexical markers; ideologemes; Soviet ideology; political discourse; Soviet epoch; Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kornienko Kristina Borisovna, Head of the Educational and Socio-Psychosocial Service, Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kornienko, K. B. Lexical Markers of the Epoch in Personnel Files of the 1930s-1940s / K. B. Kornienko // Political Linguistics. — 2020. — No 2 (80). — P. 66-76. — DOI 10.26170/pl20-02-07.*

MATERIALS

1. Personal File of I. A. Averkiev // State Archives of the Arkhangelsk Region (GAAO). — F. 98. — Inventory. 12-1. — Case 6. — List 6. [Lichnoe delo I. A. Averkieva // Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti (GAAO). — F. 98. — Op. 12-1. — D. 6. — L. 6]. — (In Rus.)
2. Personal File of A. A. Kirov // GAAO. — F. 98. — Inv. 19-6. — C. 56. — L. 15. [Lichnoe delo A. A. Kirova // GAAO. — F. 98. — Op. 19-6. — D. 56. — L. 15]. — (In Rus.)
3. Personal File of A. I. Panov // GAAO. — F. 98. — Inv. 15-197. — C. 229. — L. 21. [Lichnoe delo A. I. Panova // GAAO. — F. 98. — Op. 15-197. — D. 229. — L. 21]. — (In Rus.)
4. Personal File of E. I. Sakharova // GAAO. — F. 98. — Inv. 16-258. — C. 246. — L. 20-26. [Lichnoe delo E. I. Sakharovoy // GAAO. — F. 98. — Op. 16-258. — D. 246. — L. 20—26]. — (In Rus.)
5. Personal File of M. G. Zeitlin // GAAO. — F. 98. — Inv. 18-312. — C. 36. — L. 19—20. [Lichnoe delo M. G. Tseytlin // GAAO. — F. 98. — Op. 18-312. — D. 36. — L. 19—20]. — (In Rus.)
6. Personal Files of Students who Left the Institute in 1939. Volume 1 // GAAO. — F. 98. — Inv. 10-45. — C. 1. — L. 6—7. [Lichnye dela vybyvshikh studentov iz instituta v 1939 godu. Tom 1 // GAAO. — F. 98. — Op. 10-45. — D. 1. — L. 6—7]. — (In Rus.)
7. Personal Files of Students who Left the Institute in 1939. Volume 1 // GAAO. — F. 98. — Inv. 10-45. — C. 3. — L. 20. [Lichnye dela vybyvshikh studentov iz instituta v 1939 godu. Tom 1 // GAAO. — F. 98. — Op. 10-45. — D. 3. — L. 20]. — (In Rus.)

REFERENCES

8. Bakhtin, M. M. Issues of Literature and Aesthetics / M. M. Bakhtin. — Moscow : Fiction, 1975. — 504 p. — Text : unmediated. [Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bakhtin. — Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1975. — 504 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Bakhtin, M. M. Freudianism. The Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles / M. M. Bakhtin. — Moscow : Labyrinth, 2000. — 640 p. — Text : unmediated. [Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i / M. M. Bakhtin. — Moskva : Labirint, 2000. — 640 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Bessonova, Yu. A. The Terms of the Komsomol Movement as Ideologems / Yu. A. Bessonova, E. A. Ivanova. — Text : unmediated // Phenomenon of the Komsomol : social and cultural experience and continuity in the education of youth (dedicated to the 100th anniversary of the Komsomol) : proceedings of the Intern. scientific-practical conf. (Oryol, Oct 23, 2018). — Oryol : Oryol State Institute of Culture, 2019. — 144 p. [Terminy komso-mol'skogo dvizheniya kak ideologemy / Yu. A. Bessonova, E. A. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Fenomen VLKSM: sotsiokul'turnyy opyt i preemstvennost' v vospitanii molodezhi (100-letiyu VLKSM posvyashchaetsya) : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Orel, 23 okt. 2018 g.). — Orel : Orlovskii gos. in-t kul'tury, 2019. — 144 s.]. — (In Rus.)
11. Vasil'ev, A. D. Precedent Proper Names in the Linguistic Consciousness of Krasnoyarsk Residents / A. D. Vasiliev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2014. — No. 2 (48). — P. 30—33. [Prezentnye imena sobstvennye v yazykovom soznanii krasnoyartsev / A. D. Vasil'ev. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 2 (48). — S. 30—33]. — (In Rus.)
12. Vorob'eva, O. I. Political Vocabulary. Its functions in Modern Oral and Written Speech: Political Linguistics. The Modern Language of Politics / O. I. Vorobyova. — Moscow : IKAR Publishing House, 2008. — 296 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya leksika. Ee funktsii v sovremennoy ustnoy i pis'mennoy rechi: politicheskaya lingvistika. Sovremennyy yazyk politiki / O. I. Vorob'eva. — Moskva : Izdatel'stvo IKAR, 2008. — 296 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Gavrilova, M. V. The Concept of "Patriotism" in the Russian Political Discourse of the Beginning of the XXI Century / M. V. Gavrilova. — Text : unmediated // New Russia: New Phenomena in the Language and Science of the Language : materials of All-Russian Scientific Conf. — Ekaterinburg, 2005. [Ponyatie «patriotizm» v russkom politicheskom diskurse nachala KhKh veka / M. V. Gavrilova. — Tekst : neposredstvennyy // Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke : materialy Vseros. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2005]. — (In Rus.)
14. Golubev, A. V. Formation of the Image of Soviet Russia in the Surrounding World by Means of Cultural Diplomacy: 1920s — first half of the 1940s. / A. V. Golubev, V. A. Nevezhin ; Institute of Russian History of Russian Acad. sciences. — Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2016. — 236 p. — Text : unmediated. [Formirovaniye obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoy diplomatii: 1920-e — pervaya polovina 1940-kh gg. / A. V. Golubev, V. A. Nevezhin ; In-t rossiyskoy istorii Rossiyskoy akad. nauk. — Moskva ; Sankt-Peterburg : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. — 236 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Guseynov, G. Ch. D. S. P. Materials to the Russian Dictionary of the Socio-political Language of the Late Twentieth Century / G. Ch. Guseynov. — Moscow : Three Squares, 2003. — 1024 p. — Text : unmediated. [D. S. P. Materialy k Russkomu slovaryu obshchestvenno-politicheskogo yazyka kontsa KhKh veka / G. Ch. Guseynov. — Moskva : Tri kvadrata, 2003. — 1024 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Guseynov, G. Ch. Soviet Ideologies in the Russian Discourse of the 1990s / G. Ch. Guseynov. — Moscow : Three Squares, 2003. — Text : unmediated. [Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh godov / G. Ch. Guseynov. — Moskva : Tri kvadrata, 2003. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Din, D. Comrade: Zero Level of Communism / D. Dean. — Text : unmediated // STASIS. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg). — 2018. — Vol. 6. — No. 2. — P. 118—137. [Tovarishch: nulevoy uroven' kommunizma / D. Din. — Tekst : neposredstvennyy // STASIS. European University at St. Petersburg (Saint Petersburg). — 2018. — T. 6. — № 2. — S. 118—137]. — (In Rus.)
18. Ermakova, O. P. Life of the Russian City in the Vocabulary of the 30-40s of the XX Century / O. P. Ermakova. — Moscow : Flinta : Science, 2011. — 192 p. — Text : unmediated. [Zhizn' rossiyskogo goroda v leksike 30—40-kh godov KhKh veka / O. P. Ermakova. — Moskva : Flinta : Nauka, 2011. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Zhuravlev, S. A. Ideologemes and Their Actualization in Russian Lexicographic Discourse : resume of thesis. ... cand. of Philol. Sciences / Zhuravlev S. A. — Yoshkar-Ola, 2004. — 24 p. — Text : unmediated. [Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Zhuravlev S. A. — Yoshkar-Ola, 2004. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Ivanova, M. E. Language of Ideology and Ideology of Language: Aspects of Interaction / M. E. Ivanova. — Text : unmediated // Manuscript. — Tambov : Diploma, 2020. — V. 13. — Iss. 1. — P. 133—140. [Yazyk ideologii i ideologiya yazyka: aspekty vzaimodeystviya / M. E. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Manuskript. — Tambov : Gramota, 2020. — T. 13. — Vyp. 1. — C. 133—140]. — (In Rus.)
21. Ionin, L. G. Sociology of Culture / L. G. Ionin. — Moscow : Logos, 1996. — 280 p. — Text : unmediated. [Sotsiologiya kul'tury / L. G. Ionin. — Moskva : Logos, 1996. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Klushina, N. I. Intentional Categories of a Journalistic Text (based on the material of periodicals 2000-2008) : resume of thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Klushina N. I. — Moscow, 2008. — Text : unmediated. [Intentsional'nye kategorii publitsicheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000—2008 gg.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Klushina N. I. — Moskva, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
23. Kostina, A. V. Features of Cultural Construction in Soviet Russia of the 20-30s: to the Question of the Subjective Aspect of History / A. V. Kostina. — Text : unmediated // Knowledge. Understanding. Skill. — 2009. — No. 2. — P. 31—40. [Osobennosti kul'turnogo stroitel'stva v Sovetskoy Rossii 20—30-kh godov: k voprosu o sub'ektnom aspekte istorii / A. V. Kostina. — Tekst : neposredstvennyy // Znanie. Ponimanie. Umenie. — 2009. — № 2. — S. 31—40]. — (In Rus.)
24. Kostina, A. V. Features of Cultural Construction in Soviet Russia of the 20-30s: to the Question of the Subjective Aspect of History / A. V. Kostina. — Text : unmediated // Cultural Policy. — 2009. — No. 2. — P. 31—40. [Osobennosti kul'turnogo

- stroitel'stva v Sovetskoj Rossii 20—30-kh godov: k voprosu o sub"ektnom aspekte istorii / A. V. Kostina. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'turnaya politika. — 2009. — № 2. — S. 31—40]. — (In Rus.)
25. Kuzina, O. A. The Ideologem as a Key Category of Media Discourse During the Period of the Information War (on the example of coverage in the English language press of events in Ukraine in 2013–2014) / O. A. Kuzina. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2018. — No. 8 (86). — Part 1. — P. 110—115. [Ideologema kak klyuchevaya kategoriya mediadiskursa v period informatsionnoy vojny (na primere osveshcheniya v anglo-yazychnoy presse sobytii na Ukraine v 2013—2014 gg.) / O. A. Kuzina. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2018. — № 8 (86). — Ch. 1. — C. 110—115]. — (In Rus.)
26. Kuznetsova, T. V. Clerical Work (documentation support of management) / T. V. Kuznetsova. — Moscow, 1999. — 320 p. — Text : unmediated. [Deloproizvodstvo (dokumentatsionnoe obespechenie upravleniya) / T. V. Kuznetsova. — Moskva, 1999. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Kupina, N. A. The Ideological State of the Vocabulary of the Russian Language / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Russian Word in the Language, Text and Cultural Environment. — Ekaterinburg : Publishing House Ural. University, 1997. — P. 134—145. [Ideologicheskoe sostoyanie leksiki russkogo yazyka / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1997. — S. 134—145]. — (In Rus.)
28. Kupina, N. A. Language Construction: From a System of Ideologies to a System of Culture / N. A. Kupina. — Text : unmediated // Russian Language Today : collection of articles / Institute of Russian. Lang. n. a. V. V. Vinogradov ; resp. ed. L. P. Krysin. — Moscow : Azbukovnik, 2000. — Issue. 1. — P. 182—189. [Yazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem / N. A. Kupina. — Tekst : neposredstvennyy // Russkii yazyk segodnya : sbornik statei / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. L. P. Krysin. — Moskva : Azbukovnik, 2000. — Vyp. 1. — S. 182—189]. — (In Rus.)
29. Kupina, N. A. Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions / N. A. Kupina. — Ekaterinburg ; Perm, 1995. — 144 p. — Text: unmediated. [Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii / N. A. Kupina. — Ekaterinburg ; Perm, 1995. — 144 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
30. Malysheva, E. G. Ideologema as a Linguo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification / E. G. Malysheva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 4 (30). — P. 32—40. [Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya / E. G. Malysheva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 4 (30). — S. 32—40]. — (In Rus.)
31. Mar'yanchik, V. A. Media-political Text: Scripts, Norms, Stereotypes : Monograph. / V. A. Maryanchik. — Arkhangel'sk : Pomeranian University, 2011. — 282 p. — Text : unmediated. [Media-politicheskiy tekst: stsennariy, normy, stereotipy : monogr. / V. A. Mar'yanchik. — Arkhangel'sk : Pomorskiy universitet, 2011. — 282 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
32. The Moral Character of the Builder of Communism. — Moscow : Science, 1964. — 346 p. — Text : unmediated. [Moral'nyy oblik stroitelya kommunizma. — Moskva : Nauka, 1964. — 346 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
33. Nakhimova, E. A. The Ideology of STALIN in Modern Mass Communication / E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No. 2 (36). — P. 152—156. [Ideologema STALIN v sovremennoy massovoy kommunikatsii / E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 2 (36). — S. 152—156]. — (In Rus.)
34. Pavlova, I. V. Power and Society in the USSR in the 1930s / I. V. Pavlova. — Text : unmediated // Questions of History. — 2001. — No. 10. — P. 46—56. [Vlast' i obshchestvo v SSSR v 1930-e gody / I. V. Pavlova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy istorii. — 2001. — № 10. — S. 46—56]. — (In Rus.)
35. Reznikova, N. A. Semantic Analysis of Political Vocabulary / N. A. Reznikova. — Text : unmediated // Bulletin of TSPU. — 2005. — Issue 4 (48). — P. 49—54. [Semanticheskii analiz politicheskoy leksiki / N. A. Reznikova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TGPU. — 2005. — Vyp. 4 (48). — S. 49—54]. — (In Rus.)
36. Slyshkin, G. G. State Figures: Trace in Linguistic Consciousness / G. G. Slyshkin. — Text : unmediated // Browser-Observer: scientific analytical journal. — 2004. — No. 8 (175). — P. 116—125. [Gosudarstvennye deyateli: sled v yazykovom soznanii / G. G. Slyshkin. — Tekst : neposredstvennyy // Obozrevatel'-Observer : nauch.-analit. zhurn. — 2004. — № 8 (175). — S. 116—125]. — (In Rus.)
37. Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vol. V. 4. S — Ya (Foot and mouth disease) / ch. ed. B. M. Wolin, D. N. Ushakov; comp. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevsky, D. N. Ushakov; under the editorship of D. N. Ushakova. — Moscow : Sov. encyclical. : OGIZ, 1935—1940. — Moscow : State. Publishing House of Foreign and nat. dictionaries, 1940. — 1502 p. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. S — Yashchurnyy / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; sost. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskiy, D. N. Ushakov ; pod red. D. N. Ushakova. — Moskva : Sov. entsikl. : OGIZ, 1935—1940. — Moskva : Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. — 1502 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
38. Chudinov, A. P. Political Linguistics : teaching aid / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2007. — 256 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2007. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
39. Sheigal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheigal. — Moscow, 2004. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
40. Wark, M. Molecular Red: Theory for the Anthropocene / M. Wark. — New York : Verso, 2015. — Text : unmediated.